

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Peter James
ABSOLUTE PROOF

Copyright © Really Scary Books/Peter James 2018

Разработка серии А. Саукова

Джеймс, Питер.
Д40 Абсолютное доказательство / Питер Джеймс ; [пер. с англ. Н. Холмогоровой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с. — (Питер Джеймс. Убийственно крутой детектив).

ISBN 978-5-04-099766-4

Всемирно признанный мастер острого сюжета Питер Джеймс писал этот роман почти 30 лет. Потому что это не просто триллер. Это попытка ответа на один из самых важных вопросов в жизни человека. Как изменит нашу жизнь пришествие реального Бога? Ведь быть верующим – это одно, а АБСОЛЮТНО точно знать, что Бог есть, – совсем другое...

А ведь журналист Росс Хантер чуть было не пропустил телефонный звонок, который изменил его жизнь – и, возможно, судьбу всего мира – навсегда...

«Меня зовут доктор Гарри Ф. Кук. Как ни странно, недавно я получил абсолютное доказательство бытия Божия; мне сказали, что есть писатель, уважаемый журналист по имени Росс Хантер, который поможет добиться того, чтобы ко мне отнеслись серьезно».

Каковы же последствия абсолютного доказательства существования Бога? В этом случае фатально пострадают интересы многих очень важных людей. Да что там – под удар ставятся все мировые религии! И так будет – если Росс Хантер проживет достаточно долго, чтобы представить людям это абсолютное доказательство...

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО – ВРАГ ВЕРЫ?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-099766-4

© Перевод на русский язык. Н. Холмогорова, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство Эксмо», 2019

Покойному Гарри Никсону

Глава 1

Январь 2005 года

Бар в центре Лос-Анджелеса был сущей дырой — под стать настроению Майка Дилейни. Возле стойки нашелся лишь один свободный табурет. Дилейни втиснулся туда — между самозабвенно целующейся парочкой средних лет и здоровенным мужиком в клетчатой рубаше, джинсах и рабочих ботинках, с полупустым стаканом бурбона.

Опустившись на потрескавшееся кожаное сиденье, Дилейни поймал взгляд бармена и заказал себе пиво. Над стойкой орал телевизор — футбольный матч; на футбол никто не обращал внимания. Выпивоха в клетчатой рубаше поднял голову и уставил на Дилейни налитые кровью глаза.

— Эй, а я тебя знаю, — протянул он нетвердым голосом. — Ты же тот парень из телика! Точно-точно! Давненько тебя не видел...

Бармен поставил перед Дилейни пиво.

— Сразу заплатите или откроете счет?

— Счет, пожалуйста.

— Наличными или кредитной картой?

Смотри-ка, и эта забегаловка идет в ногу со временем!.. Дилейни молча достал из потрепанного бумажника кредитку, выложил на стол.

— Ты ведь тот фокусник, верно? — продолжал пьянчуга. — «Волшебник Микки»?

— Помнишь мое телешоу?

— Конечно, помню. Еще бы. Дрянь редкостная!

— Ну, спасибо, друг.

— Нет, правда! Это когда было-то? Лет десять назад?

— Около того.

— Ну да, ну да... — Выпивоха одним глотком прикончил свой бурбон. — Чувшь собачья, смотреть невозможно! Неудивительно, что его прикрыли.

Дилейни, не отвечая, сделал большой глоток пива.

«Да уж, ничего удивительного», — мысленно ответил он. Неудивительно, что шоу прикрыли; неудивительно, что агент час назад послал его ко всем чертям.

— Знаешь, что я тебе скажу, приятель? — так начал Эл Сигел. Говорил он по телефону из своего щеголеватого кабинета в Уилшире. — Пора признать: лучше не будет. Ты — динозавр, Микки. Ты безнадежно устарел. В твоем деле сорок лет — конец карьеры, а тебе под шестьдесят. Хватит уже. Видит бог, я честно за тебя бился, но... сам видишь, что вышло. Отправляйся на пенсию, уезжай в Палм-Спрингс, в гольф там играть или еще что-нибудь... Все, извини, у меня другой звонок, надо ответить. Слушай, мне жаль, правда, но так устроен мир. Мы с тобой друг друга поняли, да?

«Так устроен мир». Да, черт возьми, Майк Дилейни прекрасно его понял. Еще бы не понять! Все верно: в Голливуде сорок лет — уже старость. В «Замке Чудес», былом его приюте, сейчас нет ни одного фокусника старше тридцати. И последнее выступление, которое организовал ему агент — на вечеринке у кинозвезды в Бель-Эйр, — Дилейни безнадежно провалил. Забыл сценарий, сбился, а потом пригрозил врезать какому-то идиоту, который над ним заржал.

— Знаешь, что я тебе скажу? — не отставал пьянчуга. — Только не обижайся, лады? Фокусы твои — полное дерьмо! — И вновь подняв на него взгляд, добавил: — Да и выглядишь ты как полное дерьмо.

«И чувствую себя так же», — мысленно добавил Дилейни.

Пьянчуга щелкнул пальцами, подзывая бармена.

— Еще «Джим Бим», двойной, со льдом! — Он опять повернулся к Дилейни. — Да еще и пиво хлещешь... Пиво — это же для слабаков!

— И что с того?

Бармен поставил перед пьянчугой новый высокий стакан, до краев наполненный виски с кубиками льда.

— Бросай ты эту ослиную мочу и переходи на крепкое. Твое здоровье, фокусник!

Пьянчуга поднял стакан, отхлебнул — и почти сразу выплюнул.

— Твою мать! — заорал он на бармена. — Ты что мне принес? Я же сказал «Джим Бим»! А это никакой не виски — это гребаное пиво!

Престарелый бармен, похожий на долговязого грустного журавля, покачал головой.

— Прошу прощения, мистер, — невозмутимо отвечал он, — но вы ошибаетесь. Может быть, вам уже достаточно?

— Да говорю тебе, это чертово пиво! Ты что, отравить меня решил?

Бармен достал полупустую бутылку виски и показал ему.

— Я наливал вот отсюда.

— Да? Ну-ка налей еще!

Нахмурившись, бармен достал чистый стакан, начал наливать туда «Джим Бим»... и разинул рот, увидев, как стакан заполняется до краев и переливается через край густая снежная шапка несомненного пива.

Майк Дилейни усмехнулся и промолчал.

Глава 2

Апрель 2005 года

Пятничное утро для Росса Хантера началось с похмелья — и с торжественной клятвы больше не пить по четвергам. Такую же клятву давал он себе на прошлой неделе. И две недели назад. Да, собственно, каждую пятницу с тех пор, как полтора года назад устроился младшим репортером в «Аргус».

О том, насколько сегодняшняя пятница будет отличаться от всех предыдущих, он пока что не ведал.

Росс Хантер, недавно отметивший двадцатитрехлетие, был высоким, спортивным, с коротко стриженными темны-

ми волосами и очень серьезным лицом. Складывалось впечатление, что он постоянно что-то обдумывает. Обычно. Не сейчас. Не так-то легко думать, когда башка раскалывается, словно в нее воткнули топор!

Росс со стоном сполз с кровати и пошлепал в ванную в поисках парацетамола. «Опять!» — бичевал он себя. Опять! Ну что ж такое! Каждый четверг он говорит себе: только одну рюмочку, чтобы не обижать коллег, — и каждый четверг на бровях приползает домой из паба «Коуч-хаус» в центре Брайтона.

Одна из причин этому — Имоджен Картер из криминального отдела. Пить Имоджен умеет здорово, в пабе засиживается допоздна и вроде бы мало-помалу поддается на его ухаживания... или так только кажется...

«В общем, спасибо за еще одно чудесное похмелье, Имо, — мрачно думал Росс. — И за то, что дала посмотреть, как в четвертом часу утра садишься в такси рука об руку с чертовым Кевином Флетчером из отдела спорта».

Из Школы журналистики в Голдсмите Росс вышел, полный надежд. С блестящей карьерой пока не задалось, но все же работал он в солидной, респектабельной местной газете. Пусть и младшим репортером, которого посылают освещать все что угодно: пожары, автокатастрофы, внезапные детские смерти, судебные слушания, благотворительные ярмарки и даже, за неимением лучшего, дни открытых дверей в местных школах. Так что работой своей Росс был в целом доволен. Даже по пятницам. Ничего, сейчас разомнется как следует в спортзале, а потом прокатится на работу на велосипеде, вверх по холму — это прочистит голову... Облачаясь в спортивный костюм и зашнуровывая кроссовки, Росс слушал местное «Радио Сассекса» и от души надеялся, что сейчас услышит какую-нибудь потрясающую новость, такую, репортаж о которой сделает его знаменитостью и поможет попасть на первые полосы национальных газет.

Проглотив несколько таблеток и запив их водой, Росс вошел на кухню своей крохотной квартирки на третьем этаже дома по Портленд-роуд. С первого этажа плыл пряный запах

какого-то индийского блюда; от него к головной боли присоединилась тошнота. Росс откусил пару раз от банана, запил яблочным соком — стало немного лучше. Бросил взгляд на листок-напоминалку, приклеенный к кухонному столу: «День рождения папы: отправить открытку». «Ага, потом», — сказал он себе. Спустился вниз, пройдя мимо своего велосипеда в холле, и вышел в темноту, под морозящий дождь.

Десять минут трусцой — и Росс уже входит в гимнастический зал. Помещение, пропитавшееся неистребимым запахом пота, несмотря на ранний час, не пустовало. Кто-то бежал по дорожкам, кто-то качался на тренажере, кто-то занимался с тренером. Оглушительно гремела из динамиков музыка «Куин». Росс шагнул на кросс-тренажер, включил дисплей и начал обычную двадцатиминутную разминку.

Ускоряя шаг, он следил за показаниями пульса — 110... 120... 130... и вдруг услышал голос. Голос своего брата Рикки. Громко, отчетливо, словно из-за спины — брат звал его.

Как такое возможно? Рикки живет в Манчестере, за двести шестьдесят миль отсюда. Стажируется в управлении отелем. По телефону они общаются редко, хотя вчера Рикки прислал «мыло» с предложением обсудить, какой подарок выбрать отцу на шестидесятилетие.

А в следующий миг Росса словно током ударило. Закружилась голова, как на какой-то сумасшедшей ярмарочной карусели. «Что со мной? — думал он в панике, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание. — Недостаток сахара? Или сердечный приступ?»

Стены вокруг пошли ходуном, тренажеры расплылись в бесформенные серые пятна...

Его засасывало в бесконечный темный тоннель. Все вокруг плясало; он отчаянно вцепился в рукояти тренажера, чтобы не упасть. Где-то вдалеке возник свет, с каждой секундой становящийся все ярче. Перед глазами замелькали образы. Зародыш. Младенец. Лицо матери. Лицо отца. Летящий мяч. Учитель у доски. Моя жизнь, понял вдруг Росс. Это моя жизнь проносится перед глазами.

«Я умираю?!»

Миг — и Росс окутал теплый успокаивающий свет. Целый океан света. Он качался на сияющих волнах, а над ним выплыло из тьмы лицо брата.

— Все хорошо, Росс, правда? У нас все хорошо? Мы с тобой крутые?

Рикки. Брат-близнец, которого Росс, откровенно говоря, терпеть не мог. В Рикки его раздражало все — то, как он выглядит, говорит, ест, смеется. И неудивительно: смотреть на него было все равно что в зеркало.

Говорят, близнецы с рождения связаны нерасторжимыми узами. Близки друг другу, как никто иной. Ничего подобного Росс никогда не чувствовал; напротив, сколько себя помнил, он не выносил брата. Должно быть, еще и потому, что родители всегда любили Рикки больше, а тот, идиот, этого даже не замечал.

При первой возможности Росс сбежал из дома — подальше от Рикки. В другой город, в другой колледж. Было искушение даже имя сменить.

А теперь брат качался перед ним на волнах света, отчаянно протягивая к нему руки — и Росс пытался дотянуться до него, но не мог; волны уносили брата прочь, как уносит неосторожного пловца бурный прибрежный отлив.

— Росс! — В голосе Рикки звучало почти отчаяние. — Мы с тобой крутые, правда?

— Да, мы с тобой крутые! — ответил Росс.

В ослепительной вспышке свет поглотил его брата... и погас.

Все изменилось вдруг. Росс вновь ощутил запахи — пота, ковра, чьих-то немых волос. Услышал грохот музыки. Над ним склонялись лица. Сердце отчаянно колотилось.

— Эй, что с вами?

Росс в панике оглядывался. Он умер? Или все-таки нет?

Кто-то помог ему встать, довел до скамьи и усадил. Мускулистый мужчина — тренер, понял Росс — протянул пластиковый стаканчик с водой.

— Вот, выпейте.

Он покачал головой, все еще пытаясь понять, что с ним произошло.

— Перетренировался? — спросили над головой.

— Нет... нет, я... — Росс умолк, не зная, какими словами объяснить происшедшее.

— Может, врача вызвать?

Он снова помотал головой.

— Нет-нет, я в порядке. Правда. Уже все хорошо. Наверное, нужен сахар или еще что-нибудь такое...

— Не вставайте, посидите несколько минут.

Через минуту ему принесли чайную ложку меда, и Росс покорно его проглотил.

— Вы диабетик? — участливо спросил кто-то из персонала.

— Нет, я... нет.

Только через десять минут он смог встать, ни за что не держась. Еще раз заверил, что с ним всё в порядке, и отправился домой, не обращая внимания ни на промозглый холод, ни на дождь. Подъем по лестнице на третий этаж дался ему с таким трудом, словно Росс взбирался на высокую гору.

В спортзале он сказал, что чувствует себя отлично. Вражье: ему было худо, как никогда. Пошатываясь, Росс ввалился к себе в квартиру... и в этот миг в кармане зазвонил сотовый телефон. Он взглянул на экран — незнакомый номер.

Нажал кнопку:

— Алло!

— Росс? Господи, это Росс? — Женщина на том конце захлебывалась рыданиями.

Синди, узнал он ее. Девушка Рикки.

— П-привет, — с трудом проговорил Росс. — Синди? Что стряслось?

Она разрыдалась и несколько секунд не могла вымолвить ни слова.

— Рикки...

— Что?

— Только что позвонили из полиции. Рикки бегал в парке, и на него упало дерево. Полчаса назад. Дерево. Его раздавило. Сказали, умер на месте. Господи, Росс, Рикки больше нет!

Глава 3

Июль 2009 года

Годы бомбардировок и уличных боев превратили все гостиницы Лашкаргаха в развалины, а персонал их — те, кого не успели вырезать талибы — давно разбежался. Считалось, что ездить сюда не стоит: журналистов здесь нередко похищали, нескольких казнили. Те представители международной прессы, что все же отважились сюда приехать, ютились в палатках на краю города — на огороженной и укрепленной территории базы сил коалиции в провинции Гельманд.

Журналистам советовали, насколько возможно, сливаться с местностью. Отпускать бороды, носить серо-коричневое, не ходить поодиночке, и в особенности — отправляясь куда-то без сопровождения, не надевать жилеты с надписью «Пресса». Не стоит подсказывать талибам, кого тут стоит украсть, говорили им.

«Похоже, я оказался в преддверии ада», — написал Росс Хантер жене через пару дней по приезде. Точнее, написал то в первый день, но отправить эсэмэску удалось далеко не сразу. Со связью здесь было так же хреново, как и со всем прочим. В отличие от прочих, в зону боевых действий Росс попал в первый раз — и от души надеялся, что в последний. Солнце заволакивал постоянный дым от артиллерии и горящих зданий, в воздухе стояла густая вонь разлагающихся трупов, канализации и пороха. Гул вертолетов заглушал крики муэдзинов, по пять раз в день призывающих мусульман на молитву. Но хуже всего был неотступный страх.

Сейчас Росс сидел на матрасе у себя в палатке, скреб отрастающую бороду — она постоянно чесалась — и набирал на ноутбуке, подключенном к Интернету через спутниковую связь, очередной репортаж для «Санди таймс». Словно мало было тревог и физических неудобств, мучало Росса и еще одно: он ощущал себя кем-то вроде обманщика.

Год назад он опубликовал хвалебную статью о своем бывшем однокласснике: этот парень несколько лет назад потерял

на войне оба глаза и правую руку, однако живет полноценной жизнью, женился, стал отцом двоих детей и даже катается на лыжах. В заключение шли трогательные слова о героизме современных британских солдат — героизме, о котором, увы, слишком мало знает широкая публика.

Среди высоких армейских чинов эта статья вызвала возмущение; Росса немедленно пригласили побывать в зоне боевых действий и увидеть все своими глазами. Однако были отклики и совсем иного сорта. Росс получил множество электронных писем от военных всех чинов и специальностей — одни называли свои имена и звания, другие предпочитали остаться анонимными — с ужасными историями о том, как правительство Британии бросает солдат на произвол судьбы, а сокращение военного бюджета и, соответственно, нехватка и плохое качество техники ведет ко множеству смертей, которых можно было бы избежать.

В «Санди таймс» подготовили необходимые документы и отправили Росса на обязательные трехдневные курсы в Хертфордшире под названием «Выживание во враждебном окружении». Оттуда он вылетел кружным путем, на военном самолете «С-130 Геркулес». Родную газету попросил об одном: не печатать об армии ничего критического, пока он не вернется. Ссориться с людьми, которые будут отвечать за его безопасность, Россу совсем не хотелось.

А критиковать было что — в этом Росс убедился очень скоро! С собственными солдатами британское правительство обращалось хуже, чем со скотом. Длинный список безобразий включал в себя нестреляющие винтовки, автомобильную броню, не спасающую от мин, и полное отсутствие сигнальных маячков, предотвращающих потери от так называемого дружественного огня.

В последней своей заметке Росс процитировал — по просьбе информанта, анонимно — офицера в достаточно высоком чине: тот сказал, что действующая армейская техника остается на уровне 1980-х. А в довершение всего государство не оказывало почти никакой поддержки раненым, в том числе и тем, кто получил на войне страшные увечья и стал